

С. А. Жадовская (Санкт-Петербург)
**Авторские «песни о городе» и их прототипы в фольклоре
(по севернорусским материалам)**

S. A. Zhadovskaya (Saint Petersburg)
**Author's "songs about the city" and their prototypes
in folklore (based on northern Russian materials)**

Аннотация

В статье анализируется практика создания песен и стихотворений о родном городе (селе, деревне, крае) жителями небольших населенных пунктов Русского Севера. Такие авторские тексты, ставшие распространенным явлением начиная со второй половины XX в., обнаруживают тесную связь с народной традицией, в частности – с упоминанием географических названий в былинах и исторических песнях, использованием топографических реалий и субъективных характеристик в «географических» присловьях, поговорках, прозвищах, песнях, а также в свадебном обряде. «Песня о городе (деревне)», рождаясь как произведение авторское, становится формой групповой самопрезентации местных жителей и способом поддержания локальной идентичности местного сообщества. Анализ этой повсеместной практики позволяет вновь поставить вопрос о соотношении индивидуального и коллективного творчества на современном этапе.

Ключевые слова: *Русский Север, географическая песня, песня о городе, локальная/региональная культура, локальная идентичность, самопрезентация, местная литература*

Abstract

The article analyzes the practice of creating songs and poems about their home town (village, region) by residents of small settlements in the Russian North. Such author's texts, which have become widespread since the second half of the 20th century, reveal a close connection with folk tradition, in particular, with mentioning villages in epics (bylinas) and historical songs, using topographical realities and subjective characteristics in "geographical" proverbs, sayings, nicknames, songs, in the wedding ceremony. "A song about a city (village)", being born as an author's work, becomes a form of group self-presentation of local residents and a way to maintain the local identity of the community. An analysis of this general practice allows us to re-raise the question of the relationship between individual and collective creativity at the present stage.

Keywords: *Russian North, geographic song, song about the city, local/regional culture, local identity, self-presentation, local literature*

Н е одно десятилетие общим для многих исследователей является тезис о расширении предметного поля фольклористики, ее проблематики и методологии, поисках новых источников фольклорных памятников и введении в научный оборот нового типа материалов¹. Важной составляющей давно начавшихся процессов «обновления» науки о «живой старине» является выявление и анализ глубинной связи обнаруживаемых «фольклорных фактов» с существующей традицией.

Начиная с 2003 г. сотрудниками отдела фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) под руководством А. Н. Власова был предпринят ряд экспедиций с целью комплексного фольклорно-этнографического обследования малых городов Русского Севера (Архангельской, Вологодской, частично Кировской областей). Помимо традиционной работы с информантами, участники экспедиций изучили фонды местных музеев и библиотек, познакомились со школьными коллекциями и частными собраниями краеведов. Среди найденных и сделанных записей, а также в местной печатной продукции заметное место занимают тексты, которые условно можно назвать «песнями о городе» (селе/деревне/родном крае)². Речь идет об авторских поэтических сочинениях, создающихся местными жителями, порой (но не обязательно) положенных на музыку. Появление их может быть организовано специально – например, посредством организации муниципальными органами власти конкурсов к дню города/деревни/села, в основном к торжествам, посвященным юбилею населенного пункта, но гораздо чаще создание таких текстов происходит стихийно и инициировано местными творческими силами. Удачные, востребованные жителями «песни о городе» широко распространяются в локальном сообществе, становятся своего рода визитной карточкой места и зачастую теряют указание на автора. Заметим, что «песня о городе» может быть как

¹ См., напр.: *Путилов Б. Н.* К спорам о границах предмета // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 3–47; Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В. С. Бахтин, Б. Н. Путилов. М.; СПб., 1994; Преодоление рабства: Фольклор и язык оstarбайтеров / Сост. и текстология Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. М., 1998; Современный городской фольклор / Под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова. М., 2003; *Неклюдов С. Ю.* Теоретическая фольклористика в российском государственном гуманитарном университете // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. М., 2009. № 9. С. 11–17; *Ипполитова А. Б.* Роль фольклорных архивов в современной фольклористической практике // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму всероссийскому конгрессу фольклористов. М., 2010. С. 174–183; *Власов А. Н.* Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики (Краткий обзор музейных коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России. Современное состояние, проблемы изучения) // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 585–613.

² Такого рода тексты сегодня не являются принадлежностью специфически городской культуры. В дальнейшем для краткости при обозначении текстов о населенном пункте (малом городе, селе, деревне) или крае в целом мы будем употреблять словосочетание «песня о городе».

стихотворением (в том числе с характерным заглавием: «Песня о Великом Устюге/Вельске/Тотьме» и т. д.), так и песней в полном смысле слова – исполняться с музыкальным сопровождением, сольно или ансамблем. Такая песня/стихотворение является, с одной стороны, способом самопрезентации, представления своего «местожительства» приезжим («чужим»), а с другой – средством фиксации локальной идентичности³. Эти функции выводят изначально авторское произведение далеко за пределы индивидуального творчества и открывают широкие возможности для исследовательских интерпретаций⁴.

Тематический блок «песня о (родном) городе» в литературно-поэтических практиках современных местных авторов стал настолько популярным и востребованным, что можно уже, думается, говорить о нем как о специфическом жанрово-тематическом образовании. Традиция таких сочинений, заметим, стала более или менее массовой (равно как и гораздо более доступной сегодняшним исследователям) начиная с 60-х гг. XX в. Под массовостью традиции мы подразумеваем широту распространения феномена: в самых небольших населенных пунктах ныне существует песня – визитная карточка (нередко определяемая местными жителями как «гимн»), а часто и не одна⁵. «Песни о городе» выполняют, повторим, функцию самопрезентации локального сообщества (в данном случае – людей, объединенных местом проживания) и служат для сохранения местной идентичности⁶.

Поэтические тексты о родном городе нередко составляют отдельный раздел в индивидуальном поэтическом творчестве жителей, но чаще они публикуются

³ Написанная одним или несколькими авторами «песня о городе», равно как и переделка известной песни подходящей тематики может войти в репертуар фольклорного ансамбля. Конечно, это явление не ограничивается севернорусским ареалом. Так, в постоянном репертуаре ансамбля народной песни с. Широкое Симферопольского района (Республика Крым, совместная экспедиция ИРЛИ РАН и ГРНДТ им. В. Д. Поленова, сентябрь 2017 г.) зафиксирована переделка известной советской песни «Где роса с горошину, трели соловья / Есть село хорошее – там родился я», из которой исключены не подходящие по смыслу второй куплет и отдельные слова, а в концовку включен топоним – название села: «Славное *Широкое* – мой родимый дом». По словам участников ансамбля, эта песня стала первой в их совместном репертуаре и исполняется уже около 15 лет.

⁴ Очевидно, что коллективность давно не считается определяющим критерием народного творчества. По словам В. Е. Гусева, «природа народной художественной культуры адекватно определяется только комплексом некоторых названных и других признаков, причем сам этот комплекс не статичен, а изменяется в процессе исторического развития народной художественной культуры, изменяется его структура, соотношение различных признаков, и тот или иной признак может приобретать относительно преобладающее значение на определенной стадии формообразующего процесса». См.: Гусев В. Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). СПб., 1993. С. 109.

⁵ Симптоматично и появление такого интернет-ресурса, как сайт «Любимая Родина» (<https://ljubimaja-rodina.ru>), где собраны стихи о «городах, поселках, деревеньках», распределенных по административно-территориальному и тематическому принципам.

⁶ Широкая распространенность песен о городе/деревне подчеркивается тем, что отдельные аспекты их создания и функционирования уже не раз становились предметом исследования фольклористов и антропологов. См., напр.: Алексеевский М. Д. Музыка нашего города. Версия 2.0 // Антропологический форум. 2011. № 15-online. С. 288–329; Лурье М. Л. Потерянный рай: ностальгия и коммеморация в песнях о родной деревне // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 31–51.

тематической подборкой в местной или областной прессе, где может быть литературная рубрика или страница местных авторов; в ряде случаев стихи и песни о родном крае выходят отдельными сборниками, реже – распространяются и сохраняются устно или в рукописных песенниках современного типа. В зависимости от существующих в населенном пункте средств медиа (местной газеты, типографии, т. е. наличия или отсутствия технической возможности публиковать местные издания, в том числе поэтические сборники), сложившейся историко-культурной традиции и в целом сформированности *представления о себе* самих жителей, в том или ином населенном пункте может создаваться больше или меньше «песен». Иными словами, чем глубже корни историко-культурной традиции населенного пункта и связанный с ними уровень *осознавания* его жителями *себя* как представителей и носителей локальной традиции, чем выше их потребность в самопрезентации – тем большее количество текстов, образующих блок «песни о городе», мы можем обнаружить.

Не удивляет, что в г. Великий Устюг (сегодня – районный центр Вологодской области), древнем городе с богатым культурным наследием, в 1997 г. (к 850-летию города) вышел сборник «Стихи и песни о Великом Устюге» в двух частях⁷. Известно, что Устюг Великий с XVI–XVII вв. был не только признанным торгово-экономическим и административным, но и религиозным, духовным центром Русского Севера с развитой книжно-рукописной традицией. Эта роль города была закреплена в памятниках письменности (Устюжский летописный свод, комплекс агнографических текстов о Прокопии и Иоанне Устюжских и др.)⁸, продолжена в Новое время (Летопись Великоустюжская Л. Я. Вологодина⁹ и др.) и во многом сохранилась в сознании местных жителей вплоть до настоящего времени. Примечательно, что, актуализируя память устюжан о древнерусских летописных сводах, авторский историко-краеведческий труд, созданный в наши дни, носит все то же название, близкое к традиционному: «Великий Устюг: летописная книга» (2007)¹⁰.

Историческая память местных жителей, наравне с реально-географическим ландшафтом, отражена и в упомянутых сборниках стихов и песен о Великом Устюге: не случайно в его начале помещен первый из известных текстов, прославляющих город. Это «Похвальные стихи граду Великому Устюгу», созданные, как принято считать, неизвестным автором в конце XVIII в. и впервые опубликованные в «Вологодских губернских ведомостях» в 1859 г.:

⁷ Стихи и песни о Великом Устюге: Сб. / Сост. А. П. Маркова, О. П. Кульневская. Великий Устюг, 1997. [Ч. 1, 2].

⁸ Подробнее см.: Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л., 1982; *Власов А. Н.* Устюжская литература XVI–XVII вв.: историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995; *Власов А. Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. [СПб.], 2010.

⁹ Издана в конце XIX в.: *Володин Л. Я.* Летопись Великоустюжская / Сост. и авт. предисл. А. А. Титов. М., 1889.

¹⁰ *Чебыкина Г. Н.* Великий Устюг: летописная книга XII – нач. XXI века / Вступ. ст. С. А. Гладких. Великий Устюг, 2007.

Град Великий Устюг лязя назвати славным:
Он над Солью, и над Лальским, и над Тотмой главным,
Первым во епархии и начальным градом;
Чуть не лязя ево сравнить с Гесперидским садом...¹¹

Известная нам история функционирования этого текста позволяет говорить о ее безусловной важности не только для устюжан, но для всего Вологодского края, как и о ее востребованности в разное время. Так, в «Вологодских епархиальных ведомостях» спустя десять лет после первой публикации отмечается, что «стихи эти найдены в одном старинном рукописном сборнике между разными старинными стихотворениями: кантами, псалмами и проч.»¹². О бытовании «Похвальных стихов» как песни для домашнего музицирования подробно пишет Е. Е. Васильева, обнаружившая этот текст в рукописном песенном сборнике¹³: «Этот замечательный текст распевали: недаром возле каждого стиха стоит знак повтора (2), но встретился он только однажды, в безнотном сборнике»¹⁴. С начала XXI в. «Похвальные стихи» были уже как минимум дважды опубликованы в авторитетных вологодских изданиях по истории края¹⁵, что подтверждает актуальность текста в наши дни.

Традиция воспевания Устюга представлена в рассматриваемом сборнике «Стихи и песни о Великом Устюге» (1997) не непрерывно: другие стихотворения написаны, как можно предположить, во второй половине XX в. (даты стихотворений, за редким исключением, не обозначены). Большая их часть построена на «географическом» и «историческом» пластах: первый представлен упоминанием географических и топографических реалий, а второй – отсылками к преданиям и легендам о прошлом края. Оба пласта в равной степени служат основой лирического сюжета, например:

¹¹ *Н. Похвальные стихи г. Великому Устюгу // Вологодские губернские ведомости. Неоф. ч. 1859. 24 окт., № 43. С. 367–368. Подписано: Н. Перепеч.: С-в Н. Похвальные стихи городу Устюгу Великому // Вологодские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1869. 1 июля, № 13. С. 479–480. Подпись публикатора: Н. С-в (вероятнее всего – Н. Суворов, редактор неофициальной части «Ведомостей» и автор помещенной в том же номере статьи «Об иерархах бывшей Великоустюжской епархии» (с. 469–479)). Публикация текста сопровождается подробным топографическим и историческим комментарием.*

¹² *С-в Н. Похвальные стихи городу Устюгу Великому. С. 479.*

¹³ *Васильева Е. Е.: 1) Рукописный песенник XVIII века. К истории книжной песни // Русская народная песня. Неизвестные страницы музыкальной истории. СПб., 2009. С. 48–131; 2) Неизвестные источники: рукописные песенники в изучении русской культуры // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации. СПб., 2009. С. 55–68. Текст имеет разночтения с опубликованным в «Ведомостях».*

¹⁴ *Васильева Е. Е. Неизвестные источники: рукописные песенники в изучении русской культуры. С. 61.*

¹⁵ *Глагол времени: Исследования и материалы. Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопьевские чтения» / Науч. ред. Р. П. Биланчук, А. В. Камкин, С. А. Тихомиров; сост. Н. А. Некипелова, С. А. Тихомиров. Вологда, 2005. С. 8–10; Слово о Вологодском крае: За тремя волоками / Сост. С. Ю. Баранов. Вологда, 2003. Благодарю А. Н. Власова за указание на эти публикации.*

Богатый Заволочья край
Издrevле заселяли звери,
И только Сухона-река
Пришельцу открывала двери.
Трудна дорога в край болот
И северных лесов дремучих,
Сумел дойти лишь богатырь
И поселиться у излучин.
(А. Лашкова, опубл. в 1997 г.)¹⁶

Следует сказать, что концепт памяти занимает особое место в стихах и песнях о деревнях и городах¹⁷. Историческое прошлое родного края является стержневой, сюжетообразующей темой, а реальная география позволяет определить изображаемый город как конкретную и значимую точку в обширном пространстве России, вписать его в национальный ландшафт.

Порой тема «прославления» города переосмысливается в ироничном ключе, а «высокий» стиль пародируется, но это скорее исключение:

О, город шанег и селянок,
Наш Устьгород, ты чем велик?
Здесь спать ложатся спозаранок
И не читают умных книг.
Здесь по Соборной, раскуражась,
Летит купец на лихаче...
(Г. Суфтин, 1962 г.)¹⁸

Сходным образом, на прочном фундаменте из исторической памяти и/или реальной географии, построены стихотворения-песни о других городах. Так, во второй части того же сборника «Стихи и песни о Великом Устюге» опубликована песня о Красавино – небольшом городе в 25 км от Великого Устюга:

Красавино раскинулось
По речке по Двине,
От Устюга Великого
Немного в стороне.

¹⁶ Публикация в великоустюгской газете. Из личного архива автора.

¹⁷ См. об этом также: *Лурье М. Л.* О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 15–28.

¹⁸ Стихи и песни о Великом Устюге. [Ч. 1]. С. 5. Предполагаем, что несколько ироничный тон фрагмента обусловлен географически «отдаленным» взглядом автора, что связано с его биографией: Георгий Иванович Суфтин (1906–1965) – журналист, военный корреспондент, писатель и поэт, родом из Великоустюжского уезда, с 1935 г. жил в Архангельске, стал автором нескольких поэтических сборников и прозаических произведений, был членом Союза писателей СССР.

Наш город хоть и *маленький*,
Зато красив вполне:
Леса, угоры, впадины
Мне нравятся вдвойне.

Припев:

Красавино, Красавино!
Родная сторона!
Мне очень-очень нравится
Сторонушка моя!
(К. Лобачева. Моя сторонка милая)¹⁹

Подобные примеры нетрудно обнаружить в стихах, представляющих другие малые города и за пределами севернорусского ареала. Значительная часть таких текстов содержит географическую, культурно-историческую и этнографическую конкрету: указания на реальное местоположение, ландшафт, особенности климата, на местные топографические объекты. Не менее важно и то, что «песни о городе» часто дают характеристику жителей. Приведем только несколько примеров:

Здесь между Шеньгой и Пóчей
Город на Ваге стоит,
Издrevле «Шенкурск» зовется,
Лесом своим знаменит.
Живали здесь смолокуры,
Сеяли жито и рожь,
Росили лен и капусту,
Оравушкой шли на покос.
(Г. Дементьевский. Песня о Шенкурске)

В этом тексте отражены географическое положение, топонимия, ландшафт, факты местной истории, занятия жителей и неявная положительная характеристика их (трудолюбивые и дружные). Другой пример:

Я люблю тебя, Вельск, за березы,
Что стоят, как солдаты в строю,
За большие твои леспромхозы,
За рабочую удаль твою.
(В. Ткаченко. Я люблю тебя, Вельск! (1980-е гг.))

Здесь видим ландшафт, историю края, занятия жителей и их характеристику («рабочая удаль»).

¹⁹ Стихи и песни о Великом Устюге. [Ч. 1]. С. 50. Курсив наш. – С. Ж.

Осмысление себя, конструирование и презентация локальной идентичности в малом городе осуществляется во многом согласно существующей «центральной» (столичной) модели, и в этом аспекте современные нам «песни о городе» находят ближайшее соответствие в популярных песнях о Москве, широко транслируемых в советское время. Однако мы предполагаем, что в первую очередь авторами этих текстов актуализируются модели, выработанные устной национальной и региональной традицией. Осмысление и представление географического пространства, как и характеристика жителей в связи с местом их обитания, издавна закреплены в ряде фольклорных жанров, а в некоторых из них являются конституирующим признаком. Так, географические названия служат способом развертывания темы «панорамы Руси» в русской эпической традиции²⁰, локальная топонимия является неотъемлемой частью рекрутских песен, характеристика жителей в связи с территориальным делением оказывается важной в «корильных» песнях («песнях-дразнилках» и пр.), в свадебной обрядности и в малых жанрах – присловьях, поговорках, прозвищах, загадках²¹.

Тема «панорамы Руси» в эпических жанрах, согласно исследованию Т. Г. Ивановой, представлена в нескольких версиях, частично связанных между собой: «днепровской», «волжской», «северной», «сатирической» и «пародийной». Именно в сатирической версии получает развитие узкое реально-географическое и этнографическое содержание. Наиболее яркий из известных примеров концовок-насмешек, где смешиваются высокий и сниженный регистры, – в былине «Василий Игнатьевич и Батыга» каргопольского Калики из Красной Ляги (опубликован в сборнике П. Н. Рыбникова):

Сильные могучие богатыри во Киеве;
Церковное пенье в Москве-городе;
Славный звон во Нове-городе;
Сладкие поцелуи новолодожанки <...>
Широкие подола олонечкие;

²⁰ *Иванова Т. Г.*: 1) Тема «панорама Руси» в русских былинах // Русская классика: Сборник статей к 85-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Николая Николаевича Скатова / Ред.-сост.: А. П. Дмитриев, Ю. М. Прозоров. СПб., 2017. С. 45–70; 2) Два топоса в исторических песнях о Ермаке // Русская литература. 2020. № 4. С. 186–198. См. также: *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967; *Харькова С. Ю.* Гидронимы в севернорусских былинах // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 37: Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова). СПб., 2018. С. 408–475.

²¹ *Зеленин Д. К.* Песни деревенской молодежи (Записаны в Вятской губернии). Вятка, 1903; *Бахтин В. С.* Один из неучтенных песенных жанров (к вопросу об индивидуальном творчестве в фольклоре) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 16: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. С. 227–235; *Драникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004; *Шевченко Е. А.* Свадебный обряд Лузского района Кировской области (Функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар, 2010.

Дубяные сарафаны по Онеге по реке;
Обо<ссаны/сраны> подолы по Моше по реке;
Рипсоватые подолы почезерочки;
Рядные сарафаны кенозерочки;
Пучеглазые молодки слобожаночки;
Толстобрюхие молодки лекшмозерочки;
Малошальский поп до солдатов добр²².

Отметим, что почти идентичную концовку, также представляющую сатирическую версию, пользуясь определением Т. Г. Ивановой, «панорамы Руси», содержит один рукописный вариант былины на тот же сюжет. Текст ее был зафиксирован заонежским крестьянином И. А. Касьяновым (по версии Ю. А. Новикова – от того же исполнителя, Калики из Красной Ляги), но в подготовленный Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером сборник «Русские былины старой и новой записи» былина вошла без сатирического финала²³.

Кроме упомянутых старин, Т. Г. Иванова относит к «сатирической» версии темы «панорамы Руси» еще несколько текстов Пудожско-Каргопольского региона; все они насмешливо изображают жительниц севернорусских селений. Подчеркнем, что «сатирические» версии узколокальны, характеризуют хорошо известные исполнителю и слушателям места и сообщества жителей.

Сатирический вариант развертывания темы «панорамы Руси» наиболее близко подводит нас к текстам, содержание которых составляют характеристики жителей по географическому принципу. Насмешливые песни с выраженным географическим компонентом (нередко они «опевают» куст деревень или соседствующие деревни) получили различное наименование в фольклористике: корения, песни-дразнилки, песни о деревнях и их жителях, географические песни²⁴. Можно полагать, что первичными для такой песенной традиции служат прозвища и основанные на них присловья, характеризующие соседей по месту их обитания. Народные присловья стали предметом фольклористического интереса довольно рано: например, ряд прозвищ и присловий, характеризующих русское население, выделен в отдельную главу в «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова²⁵. В работе Д. К. Зеленина «Народные присловья и анекдоты

²² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. / Под ред. Б. Н. Путилова. Т. 2. Петрозаводск, 1990. № 194. О возможной ошибке в слове «солдатов» (вариант – солдаток) см.: *Иванова Т. Г.* Из текстологических заметок к произведениям фольклора (право на конъектуру и правила конъектуры) // Ученые записки Петрозаводского университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 16.

²³ Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. СПб., 1894. № 38. Рукопись, содержащая полный текст, была прислана И. А. Касьяновым в Русское географическое общество, в научном архиве которого хранится и сегодня: НА РГО, р. 25, оп. 1, № 12, л. 1–3. Сам И. А. Касьянов, однако, в записанном тексте отчеркнул сатирическую концовку и поставил на полях помету: «Другой».

²⁴ Подробнее см. упомянутые выше труды В. С. Бахтина, Н. В. Дранниковой, А. В. Кулагиной и В. А. Ковпика.

²⁵ Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 1. СПб., 1841. С. 107–117.

о русских жителях Вятской губернии» (1904)²⁶ присловье определяется как «прозвище, относящееся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющих собою географическое или этнографическое целое. Такою группою может быть улица, деревня, село, город, уезд или часть его (в последнем случае представляющее собою этнографическое целое), древнее княжество, народ»²⁷. Присловья с упоминанием географических реалий исследователь отнес к географическим поговоркам. В конце книги им приведены две «песни из присловий», одна из которых была записана самим автором в Яранском уезде Вятской губернии, а вторая – опубликована В. К. Магницким в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии». Обе песни типологически однородны и последовательно упоминают жителей деревень одного уезда и крестьян реальных помещиков. Приведем фрагмент одной из них:

Глади́нская лошадушка – *Шарыгинская*;
То высока дуга – *Щепалинска* слуга.
Гречушные блинцы – то и *Яковлевцы*;
А *Козыльски* мужики – настоящи вотяки:
Они белочек ловили, гостей потчевали²⁸.

В примечаниях к песне Зеленин пояснил, что Шарыгин и Щепалин – помещики Елабужского уезда и в одной из деревень Козыльской волости улицы названы их фамилиями; Яковлева – русская деревня Козыльской волости, а Казыли (так! – С. Ж.) – русская деревня на левом берегу Вятки²⁹.

Известный любитель «живой старины» и собиратель фольклора Вологодского края Н. А. Иваницкий в «Материалах по этнографии Вологодской губернии» зафиксировал шуточные прозвища соседей по деревням, волостям и уездам и опубликовал сатирическую песню, записанную в Васильяновской волости Кадниковского уезда и представляющую жителей Томашской волости того же уезда³⁰. Приведем ее начало:

²⁶ Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (Этнографический и историко-литературный очерк). Вятка, 1904.

²⁷ Там же. С. 3.

²⁸ Цит. по: Там же. С. 53.

²⁹ Там же. С. 54. В 1962 г. участниками студенческой экспедиции Московского государственного университета в Каргополе был зафиксирован «отрывок шуточной песенки про деревни Кенозера»:

Бор да Тарасово к небу привязано,
Спицино, Телицино к берегу привичено,
Шлепино, Ведягино к лешему уведено...

(АКФ МГУ, ФЭ-03: 6864. Зап. Е. А. Ремезовой летом 1962 г.

в г. Каргополе от Евдокии Николаевны Власовой, 69 л.).

³⁰ Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. Вып. 2. М., 1890. (Изд. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при имп. Моск. ун-те; Труды Этногр. отд.). С. 9. Прозвища вологжан интересовали и П. А. Дилакторского: П. Д. Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии // Вологодский иллюстрированный календарь на 1894 г. Вологда, 1893. С. 52–54.

Мы опустим песню в ход
Во весь Томашской приход:
Половины нищеты –
Горбовские мужики.
Долгорожи, непригожи –
То Антроповские.
Проскакать, проплясать –
То Лысухинские³¹.

В его же собрании песен, пословиц, поговорок, сказок и загадок представлено две песни (№ 556, 557), сатирически изображающие девушек вологодских деревень. Приведем фрагмент одной из них, характеризующей жительниц так называемого Троицкого угла – куста деревень в непосредственной близости от г. Вологды (д. Прилуки, Слобода, Турундаево, Головино, Ершово и так далее перечислены в порядке следования с севера на юг по окраине Вологды)³²:

Прилуцкие ребятницы,
Слободские забавницы,
Турундаевские носатицы,
Горошницы, манежницы,
Головинские рукодельницы,
Ершовские бездельницы,
Козинские плетешницы,
Ельшинские тряпошницы,
Лыненские табашницы...³³

Очевидно, что географические присловья и прозвища, безусловно, носят столь же узколокальный характер, что и сатирические концовки былинных текстов, и их значение хорошо понятно носителям местной культурной традиции. Традиция создавать песни на их основе была зафиксирована и во второй половине XX в. Летом 1959 г. фольклорной экспедицией Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН были записаны специфически местные стихотворения и песни, созданные жителями одной из деревень Костромской области³⁴. В. С. Бахтин выделил их в особую группу песен шуточного/сатирического содержания (в его терминологии – «песен-дразнилок»), имеющих автора, но исполняющихся коллективно в народном обиходе и включенных в деревенский быт.

³¹ *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 9.

³² Подробнее см.: *Кузнецов А.* Вологодское околородье // Литературный маяк. 2017. 19 янв., № 1 (229). С. 12.

³³ Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Подг. текстов, вступ. ст. и прим. Н. В. Новикова. Л., 1960. № 556.

³⁴ *Бахтин В. С.* Один из неучтенных песенных жанров.

«Эти песни принципиально отличны от общеизвестных текстов, где каждый исполнитель может вставить любое имя, название деревни и т. п., – как в свадебных песнях, во многих частушках <...> Речь, повторяю, идет о произведениях, сочиненных местными авторами, имеющих узко местное содержание и столь же узкое распространение»³⁵. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает выявленная собирателем история одной шуточной песни, высмеивающей местных девушек: парни этой деревни разучили ее и пели на деревенских гуляниях, в ответ же одна из девушек сочинила подобную песню про местных парней. Песни костромских крестьян, по словам В. С. Бахтина, «оторвались от авторов, вошли в народный обиход. Активная их жизнь продолжалась, по-видимому, всего несколько лет, пока поколение, создавшее и воспринявшее их, не вошло в пору зрелости. В пассивной же форме они живут вот уже более полувека»³⁶.

Есть ряд отдельных работ, посвященных сатирическим песням о деревнях/городах в разных регионах³⁷. Думается, что именно здесь, на пересечении коллективного содержания (местной памяти) и личного творчества и следует искать модели, которые актуализируются в современной литературной деятельности местных жителей.

Песни с выраженным географическим компонентом, которые В. Н. Калущков и А. А. Иванова предлагают называть «географическими»³⁸, могут быть проанализированы с нескольких точек зрения. В монографии «Географические песни в традиционном культурном ландшафте России»³⁹ авторы выделяют виды таких песен в зависимости от территориального охвата (страновые, региональные, субрегиональные, локальные), характера пространственной организации (линейные, кольцевые, бессистемные), типа топонимов (географически однородные, географически неоднородные), по соотношению центра и периферии (центрированные и нецентрированные), по типу субъекта (находящийся внутри и вне описываемого пространства), по профессиональному или социальному

³⁵ Бахтин В. С. Один из неучтенных песенных жанров. С. 230–231.

³⁶ Там же. С. 230.

³⁷ Напр.: Карташова И. Ю., Кругляшова В. П. Из истории русского фольклора (песни о прозвищах) // Фольклор Урала: Фольклор и историческая действительность. Вып. 5. Свердловск, 1983. С. 105–112; Иванова А. А., Мороз А. Б., Слепцова И. С. «Географические песни» в локальном песенном репертуаре // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 122–171; Ковчик В. А., Кулагина А. В. Песни о деревнях и их жителях в фольклоре Костромской и Нижегородской областей // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 171–197.

³⁸ Термин «географическая песня» впервые использован Д. К. Зелениным: Зеленин Д. К. Географическая песня // Вестник воспитания. 1904. № 4. С. 91–94. В этой статье речь шла о песне, записанной «со слов одного бывшего вятского семинариста» и содержащей названия и краткие характеристики главных городов Европы; сочинена она была для упрощенного запоминания европейских столиц. Интересно, что в наше время тоже существует мнемоническая песня с названиями европейских столиц и их главными достопримечательностями. Она появилась в 1980-е гг. в русском переводе книги французского автора С. Лупан о раннем развитии детей, но тиражируется в интернет-источниках без упоминания автора и переводчика.

³⁹ Калущков В. Н., Иванова А. А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.

статусу лирического героя (крестьянские, рабочие, рекрутские и др.). Нам представляется продуктивным использовать более конкретный термин «песни о деревнях и их жителях», предложенный А. В. Кулагиной и В. А. Ковпиком, и сузить критерий «тип субъекта» до критерия «позиция субъекта и его отношение к изображаемому пространству». Очевидно, что в этом случае все рассмотренные выше типы фольклорных «географических» текстов будут относиться к одной группе: субъект-лирический герой находится вне описываемых топонимов, а сатирические, насмешливые тексты представляют собой осмысление своего пространства через ближайших соседей и знаменуют потребность местного сообщества в локальной самоидентификации и самоопределении – в первую очередь посредством отделения *себя* от *другого*.

Высмеивание соседей не обязательно является единственным сюжетом песен. Так, в 1962 г. в д. Устерьга (Степановская) Приозерного района Архангельской области (бассейн р. Кена) участниками фольклорной экспедиции Московского государственного университета под руководством Ю. И. Смирнова были записаны две песни (от одной исполнительницы) с упоминанием ближайших населенных пунктов – Каргополя, Конёво, Дубровы. Одна из песен – по словам исполнительницы, «некрутская»⁴⁰ – упоминает лишь Каргополь как «столбовой город», куда везут «во солдатушки», а в другой «попутно» с развитием лирического сюжета характеризуются ближние и дальние соседи жителей Конёвского района (Архангельской области, устье р. Кены). Приведем текст второй песни целиком:

А на Дубр^овы⁴¹ – черны брови,
А на Конёве – веселые глаза,
Оны доводят мил^ого до конца,
А я сама-то девушка пойду-зайду,
Не оставлю мил^ого девушка,
А доведу я дружка мил^ого,
А насмеюся мил^ому во глаза,
Да я на гра^юшке сиротинкой мил^ого назову:
«Да сиротинка, мальчик мой,
Да рассироточка миленькой,
Да почему не жонишься дол^о, да изб^алуешься,
А ты не жонишься, милый, да изб^алуешься,
А изб^алуешься, дак будешь дурачок,

⁴⁰ АКФ МГУ, ФЭ-04: 3965–3968. Зап. Ю. И. Смирновым, Н. Изрядновой: 20, 21 и 23 июля 1962 г., д. Устерьга (Степановская) Кенорецкого с/с Приозерного р-на Архангельской обл. от Александры Федоровны Самойловой, 62 лет. В примечании к тексту собиратели записали: «Это некрутская песня, – отвечала на один из неизменных наших вопросов Ал<ександра> Фед<оровна>».

⁴¹ Деревня неподалеку от райцентра Конёво. – *Прим. собирателей*. Может иметься в виду как д. Задняя Дуброва, так и д. Бережная Дуброва.

А научился водки пить, табак курить
И новгородочек-девушек любить,
А новгородочки-девки лóвки,
А тебя сделают, милый, дурачком»⁴².

Примечательно соединение в одной песне относительно нейтрального локально-географического зачина (характеристики «черны брови», «веселые глаза») и остро-сатирического изображения «новгородочек-девушек», обусловленного развитием сюжета.

Сатирическое изображение соседей не становится главной темой современных авторских стихотворений – «песен о городе». Наибольшее типологическое сходство с современными текстами обнаруживают песни рекрутские. Это связано главным образом с позицией субъекта: рекрутская песня изображает «свое» пространство в противопоставлении тому неизвестному (чужому), что ждет рекрута. Взгляд «изнутри» определяет и само пространство (оно хорошо изучено и лирическим героем, и автором), и его характеристику (всегда оценивается положительно).

Основной сюжет рекрутской песни – расставание с родными местами и путь в неизвестность. Прощание с семьей и предстоящая дорога легко связываются с конкретными, реальными улицами родного города/деревни. Вспомним здесь рекрутскую песню, относящуюся к уездному городу Лальску Вологодской губернии (ныне п. г. т. Лальск Лузского р-на Архангельской обл.). Единственный известный сегодня источник этого текста – публикация в книге 1897 г. по истории города Лальска⁴³. Она принадлежит перу местного уроженца Ивана Степановича Пономарева, городского старосты, увлеченного библиофила и историка-краеведа⁴⁴. По его свидетельству, песня неизвестного автора о Лальске была взята им из рукописного сборника «разных забавных псалмов» конца XVIII в.⁴⁵ Приведем небольшой фрагмент начала текста:

Прощай, Лальский наш посад, в тебе век нам не бывать,
В тебе век нам не бывать, хлеба-соли не есть;
Хлеба-соли не есть, разлапушок не видеть!

⁴² АКФ МГУ, ФЭ-04: 3968–3970. Зап. Ю. И. Смирновым, Н. Изрядновой: 20, 21 и 23 июля 1962 г., д. Устерьга (Степановская) Кенорецкого с/с Приозерного р-на Архангельской обл. от Александры Федоровны Самойловой, 62 лет.

⁴³ Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Т. 1. С 1570 по 1800 год / Составил лальский городской староста Иван Пономарев. Великий Устюг, 1897.

⁴⁴ Пономарев Иван Степанович (1849–1916) – лальский купец, городской голова (1890–1894), затем – городской староста (1894–1916), общественный деятель и историк-краевед. Его именем ныне названа Лальская городская библиотека.

⁴⁵ Сборник материалов... С. 257. Об источниках «книжной песни» XVIII в. см.: Лапин В. А. «Книжная песня» XVII–XVIII вв. и фольклорные песенные традиции (К проблеме устного и письменного в культуре) // Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб., 2017. С. 343–373.

Прости, рынок и базар и со белым кабаком,
И со белым кабаком, и с Петрухой-горбуном.
Прощай, улица Больша, мостовая хороша;
Прощай, улица Никольска, не бывать нам на Воцком...

Очевидно, что названия улиц, как и расположение городских объектов, хорошо знакомы исполнителям песни и последовательно описывают городское пространство. К топониму «Воцкий» И. С. Пономаревым дано пояснение: «Место на берегу реки Лузы, в окрестностях Лальска». В целом можно предполагать, что все перечисленные в песне названия и имена соответствовали реальности, по крайней мере в момент написания книги. Это убедительно показали В. Н. Калуцков и А. А. Иванова, которым удалось, пользуясь текстом, довольно точно восстановить карту Лальска конца XVIII в. и обнаружить почти полное ее совпадение с историческими картами. Упомянутые лальские купцы Брызгалов и Сластихин существовали действительно и известны местным историкам. Личность «Петрухи-горбуна» установить вряд ли возможно, но можно предположить, что так назван балаганный Петрушка⁴⁶. Известно, что в конце XIX – начале XX в. в Лальске разыгрывались народные драмы «Лодка» и «Царь Максимилиан»⁴⁷, возможно, были представления и с участием Петрушки.

Как видно из текста, при всей реалистичности топографии на первый план в песне выходит лирический сюжет прощания с родным городом и прежней жизнью. Городские улицы с наименованиями «опорных точек» и узнаваемых «героев» служат фоном для лирического сюжета и одновременно обеспечивают его движение.

Нетрудно заметить, что лальская песня идентична по своей структуре другим песням этого жанра. Сходным образом организован текст, записанный А. Н. Зыряновым в конце 1850-х гг. в Шадринском уезде Пермской губернии:

Прощай, прощай, Вишнёвка,
Прощай, Шадрин-городок,
Вы прощайте, наши любезны,
Поминайте нас, робят.
Поминайте и не позабывайте,
Мы опять будем сюда,
Уж мы будем – не забудем,
Вас, любезных, надвестим⁴⁸.

⁴⁶ Благодарю А. Ф. Некрылову за это интересное наблюдение.

⁴⁷ РО ИРЛИ, р. V, к. 202, п. 1, № 8, 9. См. об этом: *Савушкина Н. И.* Русская народная драма. М., 1983. С. 213, 218.

⁴⁸ НА РГО, р. 39, № 46, л. 5 об.–6.

Лирический сюжет здесь развивается гораздо быстрее, топографические подробности изображены далеко не так подробно, как в лальском варианте. Тем не менее очевидно, что Вишневка – деревня неподалеку от уездного города Шадринска (Шадрин-городок) и именно из Шадринска и окрестных селений отправляются в путь рекруты.

Итак, рекрутские песни представляются наиболее типологически близкими «песням о городе», созданным и создающимся в наше время. Важнейшей чертой тех и других является положение рассказчика «внутри» описываемого пространства и неизменно положительная его оценка.

При этом городские улицы в рекрутских песнях перечисляются не для лучшего их запоминания: рекруты прощаются не с самим городом, а с оставленными на улицах Лальска или Шадринска горожанами, любимыми девушками, увеселительными заведениями, признаками привычной жизни. Топографические объекты и реальные лица начинают выполнять здесь символическую функцию. Это становится важным и для современных авторских произведений: географический пласт в них нередко существует параллельно символическому. Так, например, город Великий Устюг в представлении одного из авторов находится «в самом центре России», и с позиции субъекта это действительно так:

Отражаются в речке
Купола золотые.
Этот город под небом
В самом центре России.
Тихо плещется речка,
Древний город лаская,
И плывет с нею вместе
Красота неземная.

(А. Лашкова. Великому Устюгу)⁴⁹

Символические характеристики пространства для авторов современных текстов не исключают реальных, но оказываются важнее их. Географическая конкретика становится признаком, позволяющим выделить «воспеваемый» город из множества ему подобных и закрепить локальную идентичность.

Таким образом, авторские песенно-стихотворные тексты о городах, первые (единичные) региональные образцы которых зафиксированы еще в конце XVIII в., создаются под воздействием существующих в традиционной культуре способов осмысления и представления географического пространства, по выработанным в народной культуре устойчивым моделям.

Анализ «песен о городе» неизбежно вновь ставит вопросы о соотношении индивидуального и коллективного начал в их создании и бытовании, равно как

⁴⁹ Из личного архива автора. Курсив наш. – С. Ж.

и во взаимодействии устной и письменной традиций. Несмотря на принадлежность такого рода текстов преимущественно (хотя не исключительно) письменной культуре – будь то рукописные альбомы и песенники, местные газеты, литературные альманахи и сборники или тематические интернет-сайты и группы в социальных сетях, они вызваны к жизни коллективной потребностью местных жителей в представлении себя как сообщества и актуализируются каждый раз в ситуации самопрезентации (как «визитная карточка» места). В 1903 г. Д. К. Зеленин писал о новом явлении в народной песне – частушке: «...их тысячи возникают каждый день, чтобы завтра исчезнуть. То же самое было бы, конечно, и с миллионами стихов наших непризнанных поэтов, если бы у нас не было письма и печати, чего нет в народе»⁵⁰. Стремительное развитие медиа привело к тому, что в современных условиях такие письменные тексты знаменуют собой новый виток устной традиции.

Архивы

АКФ МГУ – Архив Кабинета фольклора Московского государственного университета

НА РГО – Научный архив Русского географического общества

Литература

Алексеевский М. Д. Музыка нашего времени. Версия 2.0 // Антропологический форум. 2011. № 15-online. С. 288–329.

Бахтин В. С. Один из неучтенных песенных жанров (к вопросу об индивидуальном творчестве) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 16: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. С. 227–235.

Васильева Е. Е. Неизвестные источники: рукописные песенники в изучении русской культуры // Культурное наследие русского Севера: память и интерпретации. СПб., 2009. С. 55–68.

Васильева Е. Е. Рукописный песенник XVIII века. К истории книжной песни // Русская народная песня. Неизвестные страницы музыкальной истории. СПб., 2009. С. 48–131.

Власов А. Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. [СПб.], 2010.

Власов А. Н. Устюжская литература XVI–XVII вв.: историко-литературный аспект. Сыктывкар, 1995.

Власов А. Н. Некоторые актуальные проблемы современной фольклористики (Краткий обзор музейных коллекций, собраний и публикаций краеведов северной России. Современное состояние, проблемы изучения) // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 585–613.

⁵⁰ Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи. С. 5.

Вологдин Л. Я. Летопись Великоустюжская / Сост. и авт. предисл. А. А. Титов. М., 1889.

Н. Похвальные стихи г. Великому Устюгу // Вологодские губернские ведомости. Неоф. ч. 1859. 24 окт., № 43. С. 367–368.

С-в Н. Похвальные стихи городу Устюгу Великому // Вологодские епархиальные ведомости. Неоф. ч. 1869. 1 июля, № 13. С. 479–480.

Глагол времени: Исследования и материалы. Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопьевские чтения» / Науч. ред. Р. П. Биланчук, А. В. Камкин, С. А. Тихомиров; сост. Н. А. Некипелова, С. А. Тихомиров. Вологда, 2005. С. 8–10.

Гусев В. Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). СПб., 1993.

Дилакторский П. А. Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии // Вологодский иллюстрированный календарь на 1894 г. Вологда, 1893. С. 52–54. Подп. П. Д.

Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

Зеленин Д. К. Географическая песня // Вестник воспитания. 1904. № 4. С. 91–94.

Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (Этнографический и историко-литературный очерк). Вятка, 1904.

Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи (Записаны в Вятской губернии). Вятка, 1903.

Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. Вып. 2. М., 1890. (Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при имп. Моск. ун-те; Труды Этногр. отд.). С. 1–234.

Иванова А. А. Коллективные прозвища как этнокультурный феномен // Ономастика в кругу гуманитарных дисциплин: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 80–83.

Иванова А. А., Мороз А. Б., Слепцова И. С. «Географические песни» в локальном песенном репертуаре // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 122–171.

Иванова Т. Г. Из текстологических заметок к произведениям фольклора (право на конъектуру и правила конъектуры) // Ученые записки Петрозаводского университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 14–19.

Иванова Т. Г. Два топоса в исторических песнях о Ермаке // Русская литература. 2020. № 4. С. 186–198.

Иванова Т. Г. Тема «панорама Руси» в русских былинах // Русская классика: Сборник статей к 85-летию со дня рождения и 60-летию научной деятель-

ности члена-корреспондента РАН Николая Николаевича Скатова / Ред.-сост.: А. П. Дмитриев, Ю. М. Прозоров. СПб., 2017. С. 45–70.

Ипполитова А. Б. Роль фольклорных архивов в современной фольклористической практике // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. М., 2010. С. 174–183.

Калуцков В. Н., Иванова А. А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.

Карташова И. Ю., Кругляшова В. П. Из истории русского фольклора (песни о прозвищах) // Фольклор Урала: Фольклор и историческая действительность. Вып. 5. Свердловск, 1983. С. 105–112.

Ковтик В. А., Кулагина А. В. Песни о деревнях и их жителях в фольклоре Костромской и Нижегородской областей // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Т. 2. М., 2003. С. 171–197.

Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.

Кузнецов А. Вологодское околородье // Литературный маяк. 2017. 19 янв., № 1 (229). С. 12.

Лапин В. А. «Книжная песня» XVII–XVIII вв. и фольклорные песенные традиции (К проблеме устного и письменного в культуре) // Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб., 2017. С. 343–373.

Лурье М. Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 15–28.

Лурье М. Л. Потерянный рай: ностальгия и коммеморация в песнях о родной деревне // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 31–51.

Неклюдов С. Ю. Теоретическая фольклористика в Российском государственном гуманитарном университете // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 9. С. 11–17.

Песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / Подг. текстов, вст. ст. и прим. Н. В. Новикова. Л., 1960.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. / Под ред. Б. Н. Путилова. Т. 2. Петрозаводск, 1990.

Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л., 1982.

Преодоление рабства: Фольклор и язык остарбайтеров / Сост. и текстология Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. М., 1998.

Путилов Б. Н. К спорам о границах предмета // Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 3–47.

Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова, В. Ф. Миллера. СПб., 1894.

Савушкина Н. И. Русская народная драма. М., 1983.

Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Т. 1. С 1570 по 1800 год / Составил лальский городской староста Иван Пономарев. Великий Устюг, 1897.

Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 1. СПб., 1841.

Слово о Вологодском крае: За тремя волоками / Сост. С. Ю. Баранов. Вологда, 2003.

Собрание разных песен М. Д. Чулкова. СПб., 1913.

Современный городской фольклор / Под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова. М., 2003.

Стихи и песни о Великом Устюге: Сб. / Сост. А. П. Маркова, О. П. Кульневская. Великий Устюг, 1997. [Ч. 1].

Стихи и песни о великом Устюге: Сб. / Сост. О. П. Кульневская. Великий Устюг, 1998. Ч. 2.

Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В. С. Бахтин, Б. Н. Путилов. М., СПб., 1994.

Харькова С. Ю. Гидронимы в севернорусских былинах // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 37: Фольклоризм в литературе и культуре: Границы понятия и сущность явления (Сборник статей и материалов памяти А. А. Горелова). СПб., 2018. С. 408–475.

Чебыкина Г. Н. Великий Устюг: летописная книга XII – нач. XXI века / Вступ. ст. С. А. Гладких. Великий Устюг, 2007.

Шевченко Е. А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области (Функциональные аспекты поэтических жанров). Сыктывкар, 2010.